

шего с «Гражданином») также трудно назвать «противостоянием индивидуальных сетей» двух видных общественных деятелей (с. 302). Председатель Совета вел. кн. Михаил Николаевич, к которому обратился за помощью Половцов, являлся его непосредственным начальником. И уж тем более нельзя видеть в Филиппове такого члена «локальной сети», который был бы готов в сложившейся ситуации хотя бы как-то заявить о своей поддержке князя. То, что Александр III после обращения к нему его дяди просто прекратил подобные информационные «утечки» в «Гражданин», наглядно свидетельствует о том, на какой именно ресурс опирался хозяин салона и издатель. По сравнению с ним (особенно когда он по каким-то причинам переставал действовать) все остальные ресурсы Мещерского, в том числе и его «локальная сеть», не стоили ровным счетом ничего. Леонов совершенно прав, утверждая, что «дело было не в сакраментальном значении “Гражданина” для русской общественной жизни, а в неформальных отношениях издателя и императора» (с. 303). Вообще же пятая глава в гораздо большей степени, чем все остальные, производит впечатление написанной для совсем другой книги с включенными в нее задним числом вставками о посредничестве и т.п.

Пророки Византизма: Переписка К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова (1875–1891) / Сост., вступ. ст., коммент. О.Л. Фетисенко. СПб.: «Пушкинский Дом», 2012. 728 с.: ил.

Изучение истории русского консерватизма принято считать молодым историографическим направлением¹. Действительно, в советское время монографии, посвященные «охранителям священных начал», были редкостью. Ситуация резко изменилась в 1990-е гг., когда началась настоящая мода на консерватизм, вызванная как объективными обстоятельствами того времени, так и относительной новизной изучаемого материала. Однако значительная часть выходявших тогда исследований и публикаций источников страдала недостатком академизма, публицистичностью, чрезмерным вниманием к теоретическим (социологическим и политологическим) «разработкам» консерваторов в ущерб источниковедческим и собственно историческим аспектам. Нередко публикаторы относились к публикуемому ими наследию русских консерваторов XIX в. как к актуальным политическим рецептам, а не как к историческому памятнику.

Книги, подготовленные литературоведами Пушкинского Дома, с самого начала со-

Книга Леонова, сочетающая подробный разбор значительного количества источников, в том числе новых, с явными изъянами теоретических «несущих конструкций», оставляет сложное и неоднозначное впечатление. И главное, в очередной раз преподносит поучительный урок: неоправданная поспешность с насаждением у нас модных западных концепций может повредить если и не отвергаемому автором российскому «особому пути», то уж точно его изучению.

Д.А. Андреев,
кандидат исторических наук
(Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова)

Примечания

¹ См., в частности: *Дронов И.Е.* Консервативный проект для России: общественно-политические идеи князя В.П. Мещерского. М., 2009; *Черникова Н.В.* Князь В.П. Мещерский и его эпистолярное наследие // *Мещерский В.П.* Письма к великому князю Александру Александровичу. 1863–1868. М., 2011.

² *Карцов А.С.* Русский консерватизм второй половины XIX – начала XX в. (Князь В.П. Мещерский). СПб., 2004; и др.

³ *Стогов Д.И.* Правомонархические салоны Петербурга–Петрограда (конец XIX – начало XX века). СПб., 2007. См. также мою рецензию на данную книгу: *Российская история.* 2009. № 1. С. 194–196.

ставляли приятное исключение. Настоящим событием стал выход в 2000 г. первого тома Полного собрания сочинений К.Н. Леонтьева – прекрасно изданного, снабженного подробными комментариями, но, к сожалению, не оконченного и поныне (в 2009 г. вышла вторая часть восьмого тома). Эпистолярное наследие Леонтьева – самая интересная часть его творчества – все еще ждет своей научной публикации. Читателям же приходится довольствоваться неполным и избыточным множеством неточностей изданием Д. Соловьева² да многочисленными «малыми» публикациями О.Л. Фетисенко³. Таким образом, рецензируемое издание восполняет серьезный пробел в доступной исследователям и поклонникам леонтьевского творчества литературе.

Оба участника публикуемой переписки являются, конечно же, эталонными носителями «традиционалистской парадигмы». Но если Леонтьев давно стал признанным классиком русской мысли, то его друг, единомышленник и покровитель Т.И. Филиппов известен значи-

тельно меньше⁴. Некогда бывший участником славянофильских и почвеннических изданий и салонов, в 1880-е гг. Третий Иванович стал влиятельным чиновником, видным идеологом, оппонентом К.П. Победоносцева в консервативных кругах. «Филиппов... большая дрянь, который меняет свои убеждения как перчатки... – негодовала генеральша А.В. Богданович. – Святого у него ничего нет. Любит низкопоклонство, возражений не терпит, друг “Гражданина”, где топит Победоносцева, желая попасть на его место, чтобы там делать свои дела с помощью раскольников, которым всегда тайно покровительствовал, не из убеждений (у него их нет), а из-за того, что они богаты»⁵. Убеждения у Филиппова, конечно же, были – тот самый «византизм», который они с Леонтьевым противопоставляли славянофильскому либеральному национализму. При этом взгляды Третья Иванoviча следует признать во многом более цельными, чем воззрения Константина Николаевича. Для последнего мировоззренческой константой был скорее эстетический романтизм⁶, которому в тогдашних исторических обстоятельствах оказывались близки греческая Церковь и русское самодержавие, а противостояло – «европейское хамство» русских и славянских демагогов. Филиппов же всегда был «церковин сын» во всех смыслах и подтекстах этого слова. Личное обаяние, богословская начитанность, своеобразный литературный стиль (который В.С. Соловьев сравнивал с «завитками куполов Василия Блаженного»⁷), а также сочетание строгой церковности с внутренней свободой делали его «иосифлянскую» фигуру чрезвычайно колоритной. Последнее, вероятно, не меньше, чем идейная близость, повлияло на симпатии Леонтьева, не отличавшегося, по свидетельству Ю.С. Карцова, «практической мудростью», и в отношениях с людьми руководствовавшегося все той же «эстетикой»⁸.

В письме к Соловьеву Леонтьев отмечал, что «эгоизм Филиппова именно тем и хорош, что он покойный и умный, а не желчный и болезненный, как у большинства петербургских деятелей» (с. 100). Самому же Третью Ивановичу он признавался, что «более русского человека – по вере, по вкусам, идеалам, по роду ума – и наименее русского по отсутствию небрежности и лени, беззаботности и той неисполнительности (которая меня беспрестанно в соотечественника моих возмущает) – я не встречал еще!» (с. 253). Пожалуй, главное достоинство рецензируемой книги состоит в том, что в ней оба «пророка», вопреки заглавию, предстают не иконописными фигурами, но живыми и крайне обаятельными людьми.

Филиппов постоянно ободряет страдающего от своей непризнанности Леонтьева: «Будем же бодры, милый Константин Николаевич! Есть, наверное есть множество честных душ, исполненных жаждою слышания благовестия истины. О них же помни и им да послужи!» (с. 150). Константин Николаевич, в свою очередь, жалуется на жизнь и сам же иронизирует над своими жалобами. Так, всегда считавший, что хандра – «это что-то вроде севрюги, по крайней мере, по неизяществу звука»⁹, публицист ищет в своих бедах и болезнях «позитивную» сторону: одинаково душеполезными в его письмах признаются «русская ленивая критика» (с. 437) и дизентерия, смерть от которой ему как медику и эстету представляется «прекрасной», он даже говорит о ней словами ектеньи – «безболезненная, непостыдная, мирная кончина» (с. 311). Но, разумеется, личная симпатия была лишь одним и притом не самым главным из звеньев «златой цепи единомыслия» (с. 293). Филиппов пишет с восхищением: «Ни в чем, даже в оттенках, ни малейшего разногласия: этим мы обязаны своей верности духу и заветам единой Церкви... Мне дышится легче, когда я Вас читаю» (с. 498).

Любопытно, что общий для двух авторов «византизм» парадоксальным образом в области церковно-государственных отношений порывал с реальной византийской практикой подчинения Церкви государству. Не случайны здесь симпатии обоих корреспондентов к В.С. Соловьеву, история отношений с которым подробно разбирается в предисловии (с. 48–55). Соловьева принято считать одним из главных противников тогдашнего консерватизма. Между тем, Владимир Сергеевич в своих спорах с националистами часто становился именно на консервативные позиции, объявляя «национальность» «новым началом» и сочувственно отзываясь о Николае I¹⁰. Таким образом, новый Вселенский собор, которого с разными целями чаяли Соловьев и Филиппов, неизбежно оказался бы мероприятием «реакционно-прогрессивным» – правда, скорее всего, не в том смысле, какой вкладывал в этот термин Леонтьев.

Со времен бердяевских Леонтьева рисуют «буревестником» сталинского социализма. Затронутая во многих его работах идея «грядущего рабства» подробно раскрывается в письме Филиппову: «Социализм есть готовящийся отпор старой европейской революции, это есть глубокая вековая, организующая постепенная реакция будущего... Социализм скоро... сделается орудием новой корпоративной, сословной, градативной не либеральной и не эгалитарной структуры государства. Он вы-

нужден будет сочетаться с *сохранными консервативными историческими началами... и либерализм, индивидуализм, меркантилизм и все тому сродное* будет раздавлено... Велико будет государство или племя, которое возьмёт в руки это движение *нового феодализма*» (с. 233, выделенные курсивом слова были подчеркнуты автором письма). Не комментируя современные публицистические дискуссии о том, был ли И.В. Сталин предсказанным Леонтьевым «славянским православным царем», «взявшим в руки социализм»¹¹, отметим, что в конечном итоге большевикам не удалось «раздавить» ни либерализм, ни тем более «меркантилизм». Реальный советский режим скорее можно охарактеризовать леонтьевским же термином «эгалитарный кесаризм»¹², да и современное российское общество ближе к «вторичному всесмесительному упрощению», чем к возрожденной «цветущей сложности».

Таким образом, и здесь участники публикуемой переписки предстают не столько пророками, сколько носителями внутренней свободы и духовного аристократизма, что делало их восприятие общественной жизни своего времени острее, но, разумеется, не придавало ему значения истины в последней инстанции. Обострял духовную зоркость собеседников и свойственный обоим эсхатологический настрой: сквозная тема всех писем – узость круга «верных нашему Богу до смерти» (с. 293), страшная отдаленность их от основной массы общества, привыкшего «питаться ожевинами» (с. 532).

О.Л. Фетисенко справедливо отмечает, что «особого исследования заслуживает представление в переписке ведущих политических и общественных деятелей той эпохи» (с. 55). Один только указатель упоминаемых в книге имен насчитывает более 20 страниц. Среди них Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев, К.П. Победоносцев, М.Н. Катков, И.С. Аксаков, кн. В.П. Мещерский, Н.П. Игнатьев, С.Ф. Шарапов, В.А. Грингмут. Встречаются и фигуры совсем уж второстепенные, причем практически каждая из них привлекла к себе внимание комментатора, обстоятельно раскрывающей контекст упоминания того или иного лица в переписке.

Наряду с Соловьевым и Достоевским объектом «любви-ненависти» корреспондентов предстает Катков. В письмах и комментариях подробно раскрывается субъективная сторона взаимоотношений с ним Леонтьева и Филиппова – и тут Константин Николаевич, считавший знаменитого московского редактора «своим Калигулой» (с. 128), ничем принципиально не отличается от И.С. Тургенева,

называвшего Каткова и его сподвижников «московскими баронами». Гораздо интереснее идейные расхождения двух единомышленников с Катковым. Почтительно отзываясь о нем в печати и эпатируя либеральную публику своими требованиями поставить Каткову посмертный памятник, Леонтьев считал Михаила Никифоровича опасным либералом в церковных делах. Сходным образом писал о Каткове и Филиппов: «Если что в нем пленяло читателей, то это соображение его оному змию (Феофану Прокоповичу), от которого пришло начало предательство Церкви ее епископами» (с. 67). Твердость катковского православия действительно вызывает сомнения: еще советские исследователи не без злорадства отмечали появление в его изданиях статей в защиту спиритизма¹³. Будто вступая в полемику с современными публикаторами катковских передовиц, Филиппов указывал: «Мне очень хорошо известно притворство его охранительного исповедания, которое он принял с 1863 г. как *partis pris* (предвзятое мнение. – *фр.*), и потом построил на нем свое *position sociale* (общественное положение. – *фр.*). Он проповедует самодержавие только своим ближним, а сам признает его лишь до той поры, пока Власть идет с ним по одному пути» (с. 412). «Он никогда не торговал своим товаром, – считал Третий Иванович, – но был гениальным справщиком чужих понятий, с цыганского наглости бравшим их за себя» (с. 522). Впрочем, в комментарии для большей объективности приведена и совершенно противоположная оценка Каткова, данная Победоносцевым: «Это был человек, исполненный жизненной силы: ему довелось действовать на среду, преисполненную евнухами, и евнухи одолели его» (с. 414).

Если Каткова «пророки византизма» бранили за либерализм и беспринципность, то Победоносцев уже осенью 1883 г. характеризует Леонтьева как «казенный и деревянный» (с. 259). Для Филиппова в середине 1880-х гг. обер-прокурор Святейшего Синода и вовсе – «новый Копроним (гноименитый)», который «дошел до крайней ко мне ненависти, и кажется, съел бы меня сырого в Страстную пятницу» (с. 329). Вместе же «либерал» Катков и бюрократ Победоносцев составляли в его глазах диалектическое единство: «Сочетание питерского Копронима с московским опричником (Катков) есть миниатюрное изображение “зверя со змием”» (с. 330).

Немалый интерес представляет также отношение корреспондентов к И.С. Аксакову – публицисту, чей нравственный авторитет не ставили под сомнение ни тогдашние либералы, ни «государственники» катковского круга.

Леонтьев отмечал ограниченность Аксакова (с. 222), Филиппов – своеобразие его православия (с. 381). Разумеется, на их оценки влияли разногласия по греко-болгарскому вопросу, довольно подробно описанному в предисловии и комментарии (с. 15). «Порок филетизма», т.е. церковного национализма, казался Филиппову такой же опасной «подменой Христа» (с. 225), как и критикуемое Леонтьевым «розовое христианство» (с. 37–39). Позднее же славянофильство (и, в частности, публицистика С.Ф. Шарапова) воспринималось обоими как «выдохшееся и несвоевременное направление» (с. 366). Однако ни Леонтьев, ни Филиппов не оторвались от своего духовного родства со славянофилами. «Я славянофилов старых люблю и уважаю, а они никак не могут понять, что мы из них вышли», – писал Леонтьев (с. 297). «Для меня древние славянофилы действительная святыня», – откликнулся Филиппов (с. 330). В вопросах, не связанных с Церковью, эмоции и симпатии обоих во многом были сходны с аксаковскими. Так, например, иррациональная радость Леонтьева по поводу победы болгар над сербами в 1885 г. вполне совпадала с мнением редактора «Руси», сообщавшего о том, как русские офицеры восторгались болгарями: «И команда русская, и песни солдатские русские, и выправка русская, и дух тот же, что и у наших!»¹⁴

В целом рецензируемая книга, включающая более 200 писем, являет собой удивительно гармоничное сочетание богатого и красочного материала с мастерски выполненным, филигранным обрамлением. Авторы-единомышленники в своих письмах позволяли себе максимальную свободу высказываний, относительная же краткость эпистолярных текстов делает их удобными для восприятия вечно спешащего современного читателя. Вместе с тем добросовестный, если не сказать дотошный, комментарий вкуче с обширным справочным аппаратом отбивают у читателя самую мысль о спешке, с головой погружая его в ту

эпоху, когда все знали, что Константинополь скоро будет наш.

А.Э. Котов,
кандидат исторических наук
(Санкт-Петербургский институт
гуманитарного образования)

Примечания

¹ Минаков А.Ю. Русский консерватизм в современной российской историографии: новые подходы и тенденции изучения // Отечественная история. 2005. № 6. С. 133–142.

² Леонтьев К.Н. Избранные письма. СПб., 1993.

³ Назовем лишь некоторые из них: «Брат от брата помогаем...»: (Из неизданной переписки Константина Леонтьева и Тертия Филиппова) // Нестор. 2000. № 1. С. 165–205; Переписка К.Н. Леонтьева и С.Ф. Шарапова (1888–1890) // Русская литература. 2004. № 1. С. 109–144; Иван Аксаков и «фанатики-фанариоты». I. Переписка И.С. Аксакова и Т.И. Филиппова (1870–1885). II. И. Аксаков и К. Леонтьев. Цензорский доклад К. Леонтьева о сборнике «Взгляд назад» // Там же. 2006. № 1. С. 115–146; № 2. С. 146–160; Письма К.Н. Леонтьева к А.А. Фету (1883–1891) // А.А. Фет: Материалы и исследования. СПб., 2010. Вып. 1. С. 236–290.

⁴ См., например: Филиппов Т.И. Русское воспитание. М., 2008.

⁵ Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. С. 171.

⁶ См. об этом: Котов А.Э. Русская консервативная журналистика 1870-х–1890-х гг.: опыт ведения общественной дискуссии. СПб., 2010. С. 106–110.

⁷ Соловьев В.С. Россия и Вселенская церковь. Минск, 1999. С. 1142.

⁸ Карцов Ю.С. Письма К.Н. Леонтьева к Екатерине Сергеевне, Ольге Сергеевне и Юрию Сергеевичу Карцовым. 1878 г. СПб., 1911. С. 19.

⁹ Там же. С. 18.

¹⁰ Соловьев В.С. Памяти императора Николая I // Соловьев В.С. Сочинения. Т. 2. М., 1989. С. 606–609.

¹¹ Леонтьев К.Н. Избранные письма. С. 473.

¹² Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем. СПб., 2007. Т. 8. Кн. 1. С. 519.

¹³ Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия. М., 1978. С. 151–152.

¹⁴ Русь. 1885. 16 ноября. № 20.

Н.Л. Рогалина. Власть и аграрные реформы в России XX века. М.: Энциклопедия российских деревень, 2010. 230 с.

Почему в крестьянской стране традиционное крестьянство было уничтожено государством, а аграрные проблемы не решены до настоящего времени? Ответ на этот вопрос автор рецензируемой книги ищет не столько в имманентных экономических противоречиях, сколько в особенностях сознания, государственной политики и установок власти. Н.Л. Рогалина

последовательно опровергает ряд известных положений – о «крестьянском малоземелье», «эксплуатации», экономической деградации предреволюционной России и проч., показывая, что они представляют скорее идеологический миф, чем социальную действительность, а реальные экономические диспропорции могли быть преодолены при успешном осуществ-